

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА У М. ФУКО

К.ф.н., доц. Рудко Е.А., ст. преп. Исаченко А.В.

Витебский государственный технологический университет

Мишель Фуко впервые в европейской философии дал анализ истории преступного типа и наказания в контексте «генеалогии власти». В работах «Надзор и наказание» и «Воля к знанию» (первый том «Истории сексуальности») в качестве задачи «генеалогии власти» М.Фуко определяет – анализ специфических комплексов «власти-знания», стратегий власти и дискурсивных практик, взаимодействие которых определяет те или иные познавательные подходы к человеку. Власть, по Фуко, никогда не имеет чисто негативного характера (подавление, принуждение и т.д.): различные типы власти порождают и саму реальность, и объекты познания, и «ритуалы» их постижения. Типы соотношения власти-знания исторически различны. Так современная «диспозиция» власти-знания возникла на рубеже XVIII-XIX веков: власть перестала быть привилегией одного лица (например, монарха), не имеет центра, не является привилегией государства. Основные свойства этой власти – «всепопнадзорность», дисциплинированна и нормирование. Это предполагает определенные стратегии управления индивидами, надзора за ними, процедуры их изоляции и перегруппировок. Наиболее ярким выражением этих процедур является тюрьма как социальный институт.

Творчество М.Фуко проходило под знаком углубляющихся сомнений по поводу, во-первых, тотальной «централизованности», а во-вторых, «репрессивности» научного знания как такового. Целью работы М.Фуко «Надзор и наказание» является сравнительная история современной души и новой власти судить, генеалогия нынешнего научно-судебного единства, в котором власть наказывать находит себе основания, обоснование и правила, благодаря которому она расширяет свои воздействия и маскирует свое чрезмерное своеобразие.

М.Фуко обращается к анализу таких явлений как казнь и наказание. Он сопоставляет различные системы наказания с системами производства, в рамках которых они действуют: так, в рабовладельческом обществе карательные механизмы служат созданию дополнительной рабочей силы – созданию «гражданского» порабощения наряду с порабощением в результате завоеваний или торговли; при феодализме, в эпоху, когда деньги и производство только начинают развиваться, наблюдается резкий рост числа телесных наказаний – ведь для большинства людей тело является единственной собственностью, имеющейся в их распоряжении; принудительный труд и тюремные предприятия возникают вместе с рыночной экономикой. Но система промышленного производства требует свободного рынка рабочей силы, и поэтому в XIX веке доля принудительного труда в механизмах исполнения наказаний сокращается и уступает место заключению в исправительных целях.

«В конце XVIII – начале XIX столетия... мрачное карательное празднество начинает угасать... – отмечает М.Фуко, церемониал наказания сходит со сцены; он сохраняется только как новый процедурный или административный акт. Наказание постепенно перестает быть театром. И все, что остается в нем от зрелища, отныне воспринимается отрицательно; как будто постепенно перестают понимать функции уголовно-исполнительной церемонии, как будто этот ритуал, который «завершал» преступление, заподозрили в недолжном родстве с последним: словно заметили, что он равен, а то и превосходит в варварстве само преступление, приучает зрителей к жестокости, тогда как должен отваживать от нее, показывает им, насколько часты преступления, выдает в палаче преступника, в судьях – убийц, в последний момент меняет роли, превращая казнимого преступника в объект сочувствия или восхищения» [1, с.14-15].

Наказание, таким образом, постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры. Это влечет за собой несколько следствий: наказание покидает область повседневного восприятия и входит в область абстрактного сознания; эффективность наказания определяется его неотвратимостью, а не зрелищным воздействием, не ужасающее зрелище публичного наказания, а именно неизбежность наказания должна теперь отвращать от преступления.

Исчезновение публичных казней и пыток означает исчезновение зрелища. Но также и ослабление власти над телом. «Тело, – указывает М.Фуко, – служит теперь своего рода орудием или посредником: если на него воздействуют тюремным заключением или принудительным трудом, то единственно для того, чтобы лишить индивида свободы, которая считается его правом и собственностью. В соответствии с такой уголовно-исполнительной системой тело окружается целой системой принуждений и лишений, обязанностей и запретов. Физическое страдание, собственно телесная боль больше не являются составными элементами наказания.

Перестав быть искусством причинения невыносимых страданий, наказание становится экономией «приостановленных» прав. Если правосудию все еще приходится затрагивать тела осужденных, манипулировать ими, то оно делает это издали, надлежащим образом, в соответствии со строгими правилами и с куда более «возвышенной» целью. Вследствие этой новой сдержанности на смену палачу, этому прямому анатому страдания, приходит целая армия специалистов: надзиратели, врачи, тюремные священники, психиатры, психологи, воспитатели. Самим своим присутствием возле осужденного они воздают правосудию хвалу, в которой оно так нуждается: они лишний раз убеждают его в том, что тело и боль не являются конечными целями его карательного действия... Об этом двойственном процессе – исчезновении зрелища и упразднении боли – свидетельствуют современные ритуалы смертной казни» [1, с. 18-19].

Таким образом, с начала действия новой уголовно-правовой системы – установленной великими кодексами XVIII–XIX столетий – общий ход событий заставил судей судить нечто иное, нежели преступления; в своих приговорах они были вынуждены делать нечто иное, нежели судить; а власть отчасти была передана иным инстанциям, нежели судьи, призванные судить за правонарушения. В судебно-уголовную деятельность во всех ее формах влились внесудебные элементы и лица.

Современное уголовное правосудие включает в себя многочисленные внесудебные элементы не для того, чтобы юридически их квалифицировать и постепенно интегрировать во власть наказывать в точном смысле слова; но, напротив, для того чтобы заставить их функционировать в рамках уголовно-судебного процесса в качестве внесудебных элементов; для того чтобы помешать судебной процедуре быть просто правовым наказанием; для того чтобы отвести от судьи обвинение в том, что он занимается исключительно и просто тем, что карает.

В современных обществах карательные системы вписаны, по мнению М.Фуко, в определенную «политическую экономию» тела, а «политический захват тела связан сложными двусторонними отношениями с его экономическим использованием; тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила. Но, с другой стороны, его функция как рабочей силы может осуществляться только в том случае, если оно вовлечено в систему подчинения (где потребность служит также политическим инструментом – тщательно подготовленным, рассчитанным и используемым); тело становится полезной силой только в том случае, если является одновременно телом производительным и телом подчиненным. Подчинение его не достигается исключительно средствами насилия или идеологии. Оно может быть также непосредственным, физическим, применяющим силу против силы, основанным на материальных элементах и при этом без участия насилия; оно может быть рассчитанным, организованным, технически продуманным; оно может быть тонким, может не использовать ни оружия, ни устрашения и все же сохранять свою физическую природу. Иными словами, возможно «знание» тела, отличающееся от знания его функционирования, и возможно овладение его силами, представляющее собой нечто большее, нежели способность их покорить: знание и овладение, образующие то, что можно назвать политической технологией тела» [1, с. 40].

М.Фуко анализирует важные задачи уголовно-судебной реформы в XVIII веке, т.к. постановка новой цели и изменение масштаба. Определение новой тактики для достижения цели, которая является теперь более тонкой, но также и более широко распространенной в общественном теле. Новые методы регулирования наказания и адаптации его последствий. Новые принципы регуляции, совершенствования, обобщения и унификации искусства наказывать. Однородное его применение. Снижение экономической и политической стоимости наказания путем увеличения его эффективности и числа каналов. Т.е. создание новой экономии и новой технологии власти наказывать.

На уровне принципов новая стратегия легко вписывается в общую теорию договора. Гражданину предлагается принять раз и навсегда вместе с законами общества и тот закон, в соответствии с которым он может быть наказан. Тогда преступник оказывается существом, парадоксальным с юридической точки зрения. Он нарушил договор и потому является врагом всего общества; но при этом он участвует в применяемом к нему наказании. Малейшее преступление направлено против всего общества, и все общество – включая преступника – участвует в малейшем наказании. Следовательно, уголовное наказание есть обобщенная функция, сопряженная со всем телом общества и с каждым его элементом. Фуко указывает, что «наказание должно быть искусством последствий; вместо того чтобы противопоставлять чрезмерность наказания чрезмерности проступка, надлежит соразмерять друг с другом два следующих за преступлением ряда: его собственные следствия и следствия наказания. Преступление, не имеющее последствий, не требует наказания; так же как общество, находящееся на грани распада и исчезновения, не имеет права возводить эшафоты» [1, с. 135].

Фуко выделяет две линии объективации преступника и преступления. С одной стороны, преступник, рассматриваемый как общий враг, преследование которого отвечает общим интересам, выпадает из договора, дисквалифицирует себя как гражданина и возникает как дикая часть природы, как бы неся ее в себе; он предстает чудовищем, сумасшедшим, возможно больным и, вскоре, «ненормальным». Именно в этом качестве он подвергнется однажды научной объективации и соответствующему «лечению». С другой стороны, необходимость измерять изнутри воздействие карающей власти предписывает тактику воздействия на всех преступников, будь то действительных или возможных: тактику, предполагающую организацию поля предотвращения преступлений, расчет интересов, циркуляцию представлений и знаков, создание горизонта достоверности и истины, сообразовывание наказаний с все более тонкими переменными; все это также ведет к объективации преступников и преступлений. В обоих случаях, очевидно, что отношение власти, лежащее в основе отправления наказания, начинает дублироваться объектным отношением, которое вовлекает в себя не только преступление как факт, устанавливаемый в соответствии с общими нормами, но и преступника как индивида, познаваемого в соответствии с особыми критериями [1, с. 148-149].

Автор утверждает, что власть – внутренняя черта социальных отношений; это не некий институт или структура; это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в конкретном обществе. Власть наказывать находит себе основания, благодаря которым расширяет свои воздействия. При этом различным системам производства соответствуют свои системы наказания. Принудительный труд и тюремные предприятия возникают вместе с рыночной экономикой, а в современных обществах карательные системы вписаны в определенную «политическую экономию» тела, которое становится полезной силой только в том случае, если является одновременно телом производительным и телом подчиненным.

М.Фуко так же как и большинство европейских философов рассматривает проблему наказания в контексте генезиса власти, раскрывая тем самым новые грани проблемы преступления в рамках дихотомии «человек-общество/государство/власть».

Список использованных источников

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. – М., 1999.

УДК 796

РАЦИОНАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

Студ. Сенькова М.А., к.ф.н., доц. Чеснокова О.И.

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

Современный темп жизни предъявляет высокие требования к личности человека, его физическому и психологическому здоровью. В настоящее время здоровый образ жизни понимается не только как отказ от вредных привычек, соответствующая возрасту физическая активность, здоровое питание и гигиена. В это понятие включается также и психологическое здоровье как гармоничное развитие когнитивной, эмоциональной и поведенческой сторон личности, умение адекватно справляться с различными вызовами окружающей среды, строить гармоничные взаимоотношения и добиваться поставленных целей.

Можно говорить о том, что человек ставит перед собой две группы задач. Первая группа связана с необходимостью достижения успеха вовне: в профессиональной сфере, общественной жизни, межличностных отношениях. Тогда как вторая группа относится к внутреннему кругу задач и связана с обретением внутреннего спокойствия, ощущения удовлетворенности жизнью, умения жить «здесь и сейчас» и реализовывать свой личностный потенциал. Именно стремление человека к преобразованию и развитию собственной личности, раскрытию своих возможностей в учебе, работе, творчестве, межличностных отношениях объединяет эти две группы задач в единый процесс самоактуализации. Самоактуализация (от лат. actualis – действительный, настоящий) – стремление человека к возможно более полному выявлению и развитию своих личностных возможностей. Это выражается в спонтанном и гибком поведении, готовности к сотрудничеству с окружающими, эмоционально позитивном и доброжелательном отношении к себе и окружающим, внутренней открытости и готовности к восприятию новых знаний, а также в развитых навыках рационального мышления при отсутствии иррациональных установок. То есть можно с уверенностью говорить о том, что самоактуализация выступает как основа психологической составляющей здорового образа жизни.